

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЮБИЛЕИ

«ИГРАЙТЕ САМИ СЕБЯ...»

Театру на Таганке — 25

В МАЛЕНЬКОМ холле рядом с кабинетом главного режиссера глядят со стен фотографии писателей: Аветы, другие, собратники Театра на Таганке за все четверть века его истории. Есть здесь и фотография Федора Абрамова. Десять лет — с 1973 по 1983 год, до самой смерти писателя, — коллектив театра связывала с ним творческая дружба. Началась она работой над пьесой «Деревянные кони».

«...Я не обижен вниманием театров, — говорил Абрамов в телестудии Останкино, — все мои крупные вещи идут на сцене... Первая, самая дорогая для меня вещь, которую я вспоминаю с особым счастьем, — это «Деревянные кони» на Таганке. На моей любимой Таганке...»

На Таганку Федора Абрамова привел Борис Можаяв: «Мы все потом очень дружили, — вспоминает Ю. П. Любимов, — Борис Можаяв, Федор Александрович, Юрий Валентинович Трифонов. А познакомил меня с Абрамовым Можаяв, на том злосчастном спектакле «Живой», который все время со скандалом закрывали. Мне нравились его книги, я любил его. И он поверил, поверил, что я могу знать все не только про город, но и про деревню».

Федор Абрамов с Любимовым начали работу над новой (после невышедшего «Живого» Можаява) постановкой о русской деревне. Первый вариант пьесы был совместно написан в Дубултах. Это сотрудничество стало началом долгой работы двух художников. Их споров и мучительных раздумий о народных судьбах.

Повести, ставшие основой пьесы, — «Деревянные кони», «Пелагея» и «Алька» — вывели на сцену три поколения русских женщин, за чьими судьбами вставала история страны с начала столетия, взлет, противоречия, героизм. Сочетание философских раздумий с жестким социальным анализом, поэзии и публицистики, страстной гражданственности роднили Ф. Абрамова и театр. Конечно, встреча их не была случайной.

С приходом писателя в работе театрального коллектива появилась новая тема, новая высокая струна. Связано это было не только с мощью абрамовской прозы, ее идеями, но и с личностью самого создателя «Деревянных коней».

«Первый раз новую пьесу нам читал сам Федор Александрович, — вспоминает Т. Жукова, исполнительница ролей Евстолии и Мани большой. — Это было незабываемо — читал вдохновенно, «по-своему», пижесским говором. Он сам обладал, несомненно, актерским дарованием, и одно присутствие его создавало особую атмосферу. С удивительным вниманием относился он к каждому актеру, для каждого находил доброе слово. Работали над спектаклем долго...»

Но после первого прогона Абрамов, приехавший из Ленинграда, едва не забрал пьесу. «Он неустоявался, — вспоминает Т. Жукова, — возмущался: почему режиссер все понимает, а вы, артисты, ничего не понимаете? Как вы говорите? Потом прочел целую лекцию о русской женщине, на которой держится вся жизнь. Рассказывал о каждой героине».

В ЦГАИ сохранилась скудная запись — конспект той беседы писателя с актерами. «Я неопытный драматург, — говорил Абрамов. — Но все это сыро. Пьеса мало сценична. Мрачново и страшновато выглядит деревня, она ущербная, не хватает поэзии. Актеры излишне играют деревню как что-то особое, экзотическое. Играйте сами себя — там живут такие же люди... Не надо бить. Со сцены должен раздаваться обычный русский язык».

Абрамов делает конкретные замечания об игре актеров:

Сцена из спектакля «Деревянные кони», 1974 г.

«Молентьевна—Демидова местами играет очень сильно. Сцена раскулачивания потрясающе — когда молчит мудрая, сильная старуха. Но иногда она излишне выглядит блажененной — она ведь человек, на котором держится жизнь... Это — рассказ о ките, на котором стоит Россия, русский нравственный комплекс, самопожертвование. Это наше спасение и наше проклятие. Но в том — наша сила... Это — деятельный человек, она не должна сгибаться... «Пелагея» — хороша, достоверна, иногда только несколько однобока — это сложный человек... Крупный, одинокий. К концу пьесы должно быть больше прозрения. Алёха — не очень ярко... не хватает объясня, жеста. Это плотский характер. Мы прожили жизнь аскетическую. Мы — аскеты, и мы не в восторге от такого положения. Это и протест против аскетизма родителей. Алёха — дочь своей матери, девка не пропала...»

После этой встречи началась кропотливая работа: Абрамов присутствует на каждой репетиции, правит текст, вносит дополнения и изменения. Из пьесы исчезает фигура автора, возникает форма первого действия — «эпосиделки», все действие проходит без сюжета, на «разговорах». «Моя вещь построена только на слове», — повторял Абрамов. Действительно, в результате спектаклю удалось сохранить живое обаяние самобытного абрамовского слова.

«Посиделки — все хорошо, — говорил писатель на одном из обсуждений, — но иногда не хватает дела, тут надо идти на самоотверженное «послушайте». Думайте при этом, что вы делаете доброе, большое дело. ...Вот она, Россия. Побольше света! Это не только работа, не только похорождение. Мужики-лапотники сделали эту страну. Впитывали нрав взятчики, который является нашим проклятием...» Писатель подчеркивал сверхзадачу пьесы — «видеть в человеке красоту. ...Победа над своими страстями — на этом стоит Россия». И подводил итог, напоминая: «Это спектакль о России».

«Он учил нас чувствовать народные типы, учил видеть не только страдание и слезы крестьянки, но и ее юмор, и силу, и порой своенравие, — говорит Т. Жукова. — Это было открытие нового мира. В нашем театре раньше не было современного спектакля о деревне. Проза Абрамова открыла необытный мир».

Премьера «Деревянных коней» состоялась 19 марта 1974 года — в десятилетний юбилей театра. «Этот спектакль буквально вырвали из начальства, — вспоминает Ю. П. Любимов, — вот на этом самом месте, в моем кабинете Федор Александрович вскочил и закричал — да я весь израненный, — как это я свою родину не люблю! Может, это вы настоящие патриоты, а не я?! Отчаянно сражался за свое детище. Кое-чем пришлось пожертвовать — не смогли отстоять сцены, связанные с коллективизацией, о которой было сказано в последнем варианте лишь намеком. Но в целом основную концепцию спектакля удалось сохранить».

«Деревянные кони» стали событием в театральной и общественной жизни. «В свой срок Таганка звала нас на Брахта, Мольера, Шекспира, Джона Рида... К десятилетнему юбилею своей режиссерской работы в театре Любимов ставит современный «деревенский» русский спектакль, — писал журнал «Театр». — Не было в театре на Таганке спектакля с таким разнообразным характером. Пресловутый режиссерский пресс, даящий будто бы только сверху, вдруг проявил способность вытлечить инициативу снизу». «Долг перед Землей Севера, — так определил Ю. Черничанко главную тему спектакля, — общенародный долг, и нету в стране человека,

который свободен от этого платежа, и нет траг, слишком больших для того, чтобы преобразить и вывести на мировой круг великую ницуд... «Появление этого спектакля» очень важно в театре на Таганке, — отзывался А. Турков. — Расширение диапазона народной жизни. Живые, мы бесконечны должники. Спектакль продолжает традицию Твардовского, Распутина... Это большая удача». «Очень большой спектакль, — говорил о постановке С. Залыгин, — та многоплановость, которая достигает очень большого искусством. Это реалистический спектакль, это синтез. Это исконно русская тема».

«Я в растерянных чувствах, — говорил Федор Абрамов на обсуждении премьеры, где прозвучала восторженная оценка новой работы Таганки. — Я всю жизнь ходил в очерниках. Дико — то, чтобы я чернил свой народ. Только поклониться самым земным поклоном. — И повторил свое писательское кредо: — В литературе издавна существует два способа отражения жизни — с помощью положительного образа и отрицания и с помощью рядового человека. Пелагея — это самый массовый человек, это же человек труда. Да, она прожила тяжелую жизнь, да, ловчила. Трудные доблести, а с другой стороны — развращение идеала... Я не бросаю камень в Пелагею».

«Надо быть не правдоискателем, а правдоустроителем», — записано в дневнике Абрамова. Он старался быть правдоустроителем всегда, и работа в театре, выход на сценический диалог с людьми были для него еще одним шагом на этом пути.

Любовь к театру на Таганке крепла у Федора Александровича с годами: приезжая в Москву, он обязательно заходил на репетиции, бывал на «Деревянных конях», встречался с актерами. Был непрременным участником праздников Таганки, членом художественного совета, присутствовал на всех премьерах, обсуждениях; если возникали сложности с выходом острого спектакля, спешил на помощь, и его веское слово, авторитет нередко помогали. Последний раз он выступал, защищая спектакль «Высоцкий». («Я говорил очень сердито, — вспоминали очевидцы, — стыдил начальство, рассказывал, как смерть французского шансонье была объявлена национальным горем, а смерть народного кумира Высоцкого обойдена молчанием») Его вмешательство на этот раз не помогло.

«Как всякий крупный и талантливый человек, он собой обогащал людей. Он очень дотошно всегда разбирает предмет полемики, искал причины и следствия, и спорщик был большой, — вспоминает Ю. П. Любимов. — Человек оригинальнейший, самобытнейший, задиристый, он знал себе цену. А работали мы дружно, весело. Был человеческий контакт. И было огромное горе в театре, когда его не стало».

Сегодня «Деревянные кони» вновь идут на Таганке. По-прежнему купить билеты невозможно. Спектакль продолжает волновать, тревожить, звать к действию — как и мечтал Абрамов. В планах театра, самых ближайших, — восстановление «Деревянных коней» в полном объеме, с учетом вымаранных, «непроходимых» ранних сцен. Юрий Петрович Любимов уже начал эту работу.

...В маленьком холле возле кабинета главного режиссера глядят со стен фотографии. Лица тех, кто все двадцать пять лет трудились и сражались зводно с Таганкой. Как было бы хорошо, чтобы рядом с создающимся музеем Высоцкого открылся и музей Театра на Таганке, где рассказывалось бы о постановках, о людях и поступках и звучали бы дорогие голоса тех, кого уже нет. И голос Федора Абрамова...

Надежда АЖГНХИНА